

УДК 811.161.1'28
ББК 81.411.2-5

К ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Л.Ю. Зорина

В статье обосновано выделение в вологодских говорах сферы особого народно-речевого этикета, что пополняет наши представления о культуре местного населения; рассмотрены основные этикетные формулы; выявлены региональные особенности реализации в общении северян коммуникативного принципа вежливости.

Ключевые слова: коммуникативная диалектология, способы формализации социального взаимодействия, народный речевой этикет, символизация слов, народное языковое сознание.

В связи с осознанием важности изучения языка как функционирующей системы в отечественном языкознании оформилась коммуникативная диалектология [3]. В центре этой отрасли лингвистики стоят проблемы коммуникации в условиях территориального варьирования русского языка. Одной из важных сфер, интересующих коммуникативную диалектологию, является сфера речевого этикета, которая изучается в последнее время особенно продуктивно. Заметны в этом направлении исследования Е.А. Вьюгиной [2], В.Н. Гришановой [4], И.Л. Желновой [5], И.В. Козельской [8], Г.Ф. Свиридовой [11], О.А. Черепановой [12], В.Н. Шемаровой [13] и др. Народный речевой этикет представляет собой динамическую систему, весьма устойчивую, но изменяющуюся во времени и пространстве [1; 7]. Целью данной статьи является комплексное рассмотрение группы диалектных этикетных выражений, связанных со стиркой белья, в вологодских народных говорах. Такие обороты речи отражают архаический пласт народной культуры, входят в пассивный словарный запас носителей диалекта, что создает трудности в их выявлении и регистрации. В СРРЭ некоторые из этих

благопожеланий приведены со ссылкой лишь на наши материалы (СРРЭ. С. 239).

В картотеке, составленной в ходе работы над Словарем вологодских говоров и на основе личных полевых наблюдений автора, представлено весьма значительное количество еще не изученных, но значимых специфичных этикетных формул. В словарях русского литературного языка они не зафиксированы, ибо относятся не к сфере общенародного этикета, а к сфере этикета простонародной, крестьянской жизни на ограниченной территории.

Значительную часть таких формул составляют трудовые благопожелания. Сфера их использования – повторяющиеся реальные, жизненные ситуации: ситуация доения коровы (*Море под кормилицу!*), стрижки овцы (*Шёрстки горсточку!*), забоя скотины на мясо (*Мясо – сахар!*), стирки (*Мыло в корыто!*), полоскания белья (*Лебеди на бук!*), мытья пола (*Белые лебеди летят!*), рыбной ловли (*Ни рыбы ни моля!*), сбора грибов и ягод (*Греби лопатой!*), кладки печи (*Дым в трубу!*), выпечки хлеба (*Спорынья в квашню!*), сбивания масла (*Сыр да масло!*) и мн. др. Попытка описать вологодские народные благопожелания привела к необходимости классифицировать материал по тем фрагментам действительности, которые важны для крестьянской сферы русской жизни. Спектр коммуникативных ситуаций весь-

ма широк. Членение действительности на отдельные ситуации зависит от необходимости выполнения тех или иных работ, от повторяемости действий, от доступности их для визуального наблюдения и др. В этой сфере заметно выделяется ситуация неразрывно связанных между собой стирки и полоскания белья.

Членение действительности на разные прагматические ситуации может быть очень детализированным или весьма обобщенным. При разной степени обобщения, по А. Мустайоки [10], стирку и полоскание белья можно рассматривать и как одну, и как две разные ситуации. Имеющийся в нашем распоряжении лингвистический материал позволяет с определенностью говорить о двух разных ситуациях: применительно к каждой из них используются разные формулы. Отмеченный нами набор формул, используемых при стирке белья, невелик: *Мыло в корыто! Мыло в корыте! Бело в корыто! Чистого белья! Чисто стирать!* Первые два благопожелания используются и тогда, когда стирка ведется в ином месте: не в корыте, а, например, в тазу или даже в стиральной машине.

Набор реплик при полоскании белья значительно шире: *Беленько! Беленько мыть! Беленько на бельё! Набеленько! Набеленько Бог в помощь! Бело бучить! Бело мыть (намывуть)! Бело мыть да стирать! Бело полоскать! Бело рубахи мыть! Бело на платье (платьице)! Бело на воде! Давай бело! Бог в помощь! Набело Бог (в) помощь! Лебеди летят (летели)! Лебеди на бук! Лебедя на бук! Гуси-лебеди летят! Чайки летят! Начистенько!*

Полоскание белья – это завершение стирки, то есть стирка и полоскание – две составляющие одного и того же процесса. В нашем материале есть такие благопожелания, которые применяются только к одной части процесса (*Мыло в корыто! Бело в корыто!* и др.), однако отмечаются и такие формулы, которые применяются и к стирке, и к полосканию белья (*Бело мыть! Лебеди летят!* и др.). Крайним случаем обобщения, по мнению А. Мустайоки, являются случаи, когда «разные ситуации уже не воспринимаются как отдельные отрезки действительности, а представляют собой постоянную часть рассматриваемого мира» [10, с. 32–33].

Покажем, как используются изучаемые формулы в народной речи: *Чаще Бог в помощь! говорили. Это для всех дел доброе пожелание. А для белья чистого скажут и Начистенько!* (Кичм.); – *Беленькё мыть, Анна! – Спасибо! – У нас ведь хорошо туттока, иди мой, полошшысь* (Сямж.). *Набеленько! Холодная вода, небось?* (Кир.). Как видим, во-первых, существует общее благопожелание *Бог в помощь!*, применимое к работам всех видов, и частные, конкретно-прагматические пожелания *Начистенько!*, *Беленько мыть!* Во-вторых, и об этом свидетельствует второй из приведенных примеров, благопожелания употребляются в диалоговых единствах, то есть подразумевают ответную реплику адресата (*Спасибо!*). Третья реплика, она же вторая реплика первого коммуниканта (*У нас ведь хорошо туттока, иди мой, полошшысь*), содействует закреплению общей дружественной, благорасполагающей интонации общения. Третий пример убеждает в том, что благопожелание имеет своей целью окликнуть занятого работой человека, привлечь его внимание, а следующая реплика провоцирует ответ, то есть содействует превращению монолога в диалог.

Если ситуация породила такое количество стереотипных, свойственных именно для нее благопожеланий, значит, она и сама по себе заслуживает описания. Стирка, как правило, тяжелая, малоприятная работа. При современном изобилии моющих средств трудно себе представить острую нехватку их в традиционном крестьянском быту: «*А вот забыла, чё говорили, – рассказывает нам собеседница в Белозерском районе Вологодской области. – Мыло в корыто! А мыла не было в бане помыться, всё щёлок варили. У меня пять парней – нетутко, нечем, и купить не на чо. Наколочу дресвы намелко да вехоточкой эту дресву. Вот она знает – не вру, верной слово!* (Блз.).

По сравнению со стиркой процедура полоскания белья дает больше оснований для положительных эмоций. Поскольку эта работа требует значительного количества воды, ею обычно занимались на берегу реки, озера. Зимой белье полоскали в холодной проруби, но ни одна фиксация благопожелания не связана с этим обстоятельством. Полосканием

белья занимались исключительно женщины: *Раньше штёб мужик полоскать пошёл – упаси Боже! А сейчас мужик хватя корзину за дугу – и бежит на реку* (В-У).

Особую группу выражений составляют благопожелания, употребляемые в ситуации, когда белье стирают особым образом – *бучат*, как говорят на Севере. *Бучить* – это ‘подвергать белью действию пара, кипятка со щелоком с целью очищения, отбеливания’. В *бук*, или в *кадью бучешную* – специальный деревянный сосуд на ножках и с отверстием для слива воды, – загружалось белье или холсты, все накрывалось плотной тканью, *постилахой*, на которую насыпали золу, наливали воду. Воду нагревали, опуская в нее камни, раскаленные на разведенном рядом костре. Воду в *буке* меняли несколько раз: сливали, а затем заменяли чистой водой. Так поступали до тех пор, пока стекающая из *бука* вода не становилась светлой.

То, какую работу выполняли женщины, было видно практически всем соседям: почти одновременно этим занимались во всех хозяйствах. *Бучили* долго – неделю или даже две, но только один-два раза в году. Холсты, вытканые за зиму, и белье, подлежащее стирке, возили к реке и обратно на лошадях. После *бученья* всё отстирывали в корытах, полоскали и *выколачивали*, то есть отжимали специальной *кичигой*, *колоталкой*, *колочельной* или *колочёной палкой*. Погодные условия сезона (июнь – начало июля) обычно благоприятствовали успешному проведению такой работы. Закончить эту сложную процедуру в каждой семье старались до сенокоса, важной в экономическом отношении поры, чтобы, когда она настанет, уже не отвлекаться на бытовые дела. Сенокос традиционно начинался с Петрова дня, то есть после 12 июля.

Когда белье *бучили*, берег водоема становился местом забав молодежи, поскольку именно молодых людей оставляли на ночь возле *буков* и костров поддерживать огонь и осуществлять контроль за *буками*. Наши информанты рассказывают, что для шалунов не было большего удовольствия, чем пробежать по свежему, только что расстеленному на лугу холсту или опрокинуть *бук*: *Бучишь – ребята придут, все буки опрокинут. Мы заорём: «Ой, ведь бабы нас убьют!»* (Кичм.).

Процедура тепловой обработки белья прочно вошла в сознание народа, о чем свидетельствует поговорка: *Кто тебе миленок, тот и без бученья биленок* (Тарн.), согласно которой любимый человек нравится в любом виде, даже «без бученья», без отбеливания, то есть со всеми своими недостатками.

Людей, занятых описанной выше работой, приветствовали формулой *Лебеди (тебе, вам) на бук (буки)!*: *Скажут: «Лебеди на бук тебе!» Видят ведь на озере* (Кичм.). Смысл выражения заключается в пожелании чистоты, белизны обрабатываемому холсту, белью. Белье сравнивается с предметом, обладающим признаком белизны в еще большей мере, – с лебединым оперением. Произнося такие приветствия и веря в их магическую силу, люди словно бы призывали, накликали удачу, то есть содействовали приобретению бельем белизны, чистоты. Образная символика этих выражений является очень древней. Этикетные формулы и обычаи формируются веками, в течение длительного времени (ср. семантику слова *лебедь* в языке фольклора, в культурах разных народов мира). В анализируемых русских диалектных благопожеланиях *лебедь* – это символ чистоты и ее визуального проявления – белизны. Показательно, что у других народов понятие чистоты ассоциируется с иными представлениями – с представлениями о стекле, зеркале, цветке лотоса, шерсти белого верблюжонка и др.

Формулы *Лебеди (тебе, вам) на бук (буки)!* и *Бело на бук!* сначала, вероятно, были прикреплены лишь к ситуации тепловой обработки с последующим полосканием белья, и только потом стали применяться к более частотной ситуации – к ситуации полоскания белья. С изменением условий жизни в крестьянском хозяйстве отпала необходимость ткать и отбеливать холсты, поэтому *бучить* их приходилось все реже и реже. В итоге слова *бук*, *бучить*, *бученья* устарели. Теперь уже нередки случаи, когда даже студентке-филологу объясняешь, что упомянутые *лебеди* вовсе не сели на крупное дерево под названием *бук*, которое в северных краях и не произрастает.

Полоскание белья – дело повседневное, частое. К тому же в большинстве деревень и даже городов на русском Севере полоскание

белья, стирка крупных предметов домашнего обихода (одеял, ковров и др.) и сейчас осуществляется на реке, на озере – с лавы, то есть с мостков, со специально сооруженного плота: *Она на лаве бельё колотит* (Верх.); *На лаву-то сходи, пополощи бельё* (Гряз.). Наблюдающие эту процедуру не могут не использовать известные им благопожелания: *Я бы шла да сказала: «Бело мыть!»*, дак которая скажет: *«Спасибо!»*, которая – *«Давай бело!»* (Сямж.). *Вот вы стираете на реке, ну, вам говорят: «Бело мыть!»* А отвечают: *«Давай бело!»* (Сямж.).

Анализ семантики благопожеланий показывает, что в описываемой ситуации женщине, которая стирает или полощет бельё, в основном желают чистоты, белизны обрабатываемого белья. Благопожелания в этой ситуации в семантическом отношении намного однороднее благопожеланий в других прагматических ситуациях [6]. И тем не менее перечисленные благопожелания по реализуемым ими интенциям представляют собой выражения нескольких разных типов. Их анализ позволяет раскрыть очень тонкие нюансы смысла.

Так, благопожелание *Бело мыть!* имеет смысл призыва стирать чисто, качественно. Это благопожелание опорное, исходное для ряда других приветствий (*Бело стирать!* *Бело полоскать!*), более отчетливо его смысл проявляется в трансформации: <Бело мыть бельё>. Слово *бело* созвучно слову *бельё*, их различия минимальны. Они заключаются, во-первых, в наличии или отсутствии звука [j] (б'е-ло – б'ел'jo); во-вторых – в твердости или мягкости сонорных звуков [л] и [л']. Наличие указанных звуков, а также сонорного согласного в диалектном слове *мыть* ('стирать') (СВГ. Вып. 5. С. 13) делает это благопожелание благозвучным, приятным для слуха.

Бело намыывать! – не просто *мыть* ('стирать'), а очень старательно производить названное действие. *Бело полоскать!* – это уже пожелание хорошо, качественно полоскать бельё. Оно частотно в употреблении, поскольку выходцы из деревень, даже живя в городских условиях, обычно страдают от невозможности хорошо прополоскать обработанное стиральными порошками бельё. *Бело мыть да стирать!* – в этом благопожелании усиление

смысла происходит за счет семантического удвоения: *мыть* = *стирать*. В благопожелание *Бело рубахи мыть!* вводится объект действия, причем в данном случае *рубахами* называют и мужскую, и женскую одежду. *Бело на платье!* – пожелание, чтобы на стираемую одежду снизошла чистота (*платье* – 'одежда'). В формуле *Бело на воде!* обстоятельный оттенок подчеркивает важность воды, ее достаточного количества.

Благопожелание *Набело!* сравним с наречиями: *крепко-накрепко*, *бело-набело*, то есть 'очень, до крайности крепко, бело'. Наречие *накрепко* в словарной практике представлено в слитном, дефисном и в раздельном написаниях. Словарями отражено и варьирование ударения: *на́крепко* и *накрéпно* (БАС. Т. 7. С. 283), *на́бело* и *набелó* (там же, с. 26). В этикетной формуле *Набело Бог в помощь!* видим контаминацию общего, применяемого ко всем видам работ благопожелательного выражения *Бог в помощь!* и более конкретного, применяемого лишь к стирке/полосканию белья благопожелания *Набело!* Коммуникация диалектоносителей в целом ряде случаев пронизана, как видим, христианскими мотивами.

В благопожелании *Беленько!* отмечаем усиление пожелания за счет экспрессии, которая привносится суффиксом *-еньк-*, ср. в народной речи: *близенько*, *маленько*, *кругленько*, *чистенько*. Благопожелание *Набеленько!* демонстрирует еще одну ступень усиления смысла: *на* + *беленько*, то есть 'очень, очень чисто'. Сравним со второй частью наречий: *чисто-начисто*, *бело-набело*, *мелко-намелко*, *крепко-накрепко*. По-видимому, в диалектах сохраняется в свободном употреблении то слово, которое в литературном языке стало частью сложного слова.

Формула *Лебеди летят!* <Пусть лебеди летят> выражает пожелание <Пусть бельё будет чистым> или констатацию <Работа результативна – уже белые лебеди летят>. Ощущение белизны передается через существительное *лебеди*. Благопожелание *Лебеди на бук (буки)!* подчеркивает, куда именно летят лебеди – на емкость с бельем. *Лебедя на бук!* – <Я тебе желаю лебедя, то есть чистоты, белизны, на емкость с бельем>. Употреблением слова *бук* оттеняется процесс

именно белоснежной стирки: в *буке* белье, в нем стирают. Таким образом усиливается представление о белизне.

В благопожелании *Гуси-лебеди летят!* видим неразрывное фольклорное единство *гуси-лебеди*, употребление которого, как представляется, приводит к семантическому удвоению: *и гуси, и лебеди*. Следует обратить внимание и на цветовую характеристику. *Лебедь* – всегда белый, а *гуси* в фольклоре имеют постоянный эпитет *серые*. По наблюдениям фольклористов, обычно, когда *гуси-лебеди* выступают как единое целое, их цвет либо вообще не указывается, либо, как в нашем случае, отмечается их белизна [9].

Синонимична рассмотренному этикетному выражению формула *Чайки летят! Чайки* – более близкая к северной действительности орнитологическая реалья: *лебеди* в северных краях – большая редкость, они долетают до этих территорий только в очень теплое лето, а *белокрылые чайки* – это постоянные обитатели пространства вблизи многих северных водоемов.

Формула *Мыло в корыто!* может быть развернута как <Пусть мыло попадет в корыто> или <Я желаю тебе мыло в корыто>. *Мыло* – необходимое, желанное средство: оно всегда было редким и дорогим. При его отсутствии люди пользовались щелоком, то есть раствором, содержащим настой древесной золы.

Семантика формулы *Бело в корыто!* может быть представлена как <Белое белье, белизна в корыто>.

Чисто стирать! – *Чистенько!* – *Начистенько!* В этом ряду благопожеланий видим уже охарактеризованные ранее закономерности: семантика благопожелания *Чисто (стирать)!* усиливается за счет ласкательного суффикса *-еньк-* (*Чистенько!*), а от него в свою очередь образуется наречие с усилительным оттенком значения: *Начистенько!* (ср.: *накрепко, начисто, набело* → *набеленько*).

В структурном отношении перечисленные благопожелания представляют собой формулы нескольких разных типов: наречие + инфинитив (*Бело мыть (намыывать, полоскать)!* *Чисто стирать!*); двусоставное нераспространенное предложение (*Лебеди летят! Лебеди летели! Гуси-лебеди летят! Чайки летят!*); неполные односоставные распространенные предложения (*Лебеда на бук!*) (Ср.: *Желаю тебе лебеда на*

бук!). Структура благопожеланий может расширяться за счет осложнения вокативами (*Бело мыть, Марья!*; *Мыло в корыте, хозяйюшка!*), за счет включения адресата (*Бело тебе мыть! Чистенько вам!*). Полагаем, что по эмоциональной окрашенности эти фразы ввиду их контактоустанавливающей функции являются восклицательными.

Проведенный комплексный анализ этикетных формул убеждает в том, что диалекты позволяют выразить доброе пожелание разными средствами. Выбрать подходящую к случаю структуру – это задача коммуникантов. Умение использовать разнообразные языковые средства характеризует развитое языковое чутье и тонкий эстетический вкус носителя языка.

Этикетные благопожелания функционируют в диалоговых единствах, или блоках, где используется реплика-благопожелание и реплика-ответ: – *Беленько мыть!* – *Давай бело!*; *Бело полоскать!* – *Спасибо!*; *Лебеди летят!* – *Спасибо!*; *Бело мыть!* – *Давай бело!*; *Бело мыть!* – *Здравствуйте!*; *Набеленько!* – *Помогай Бог!*; *Бело мыть!* *Здравствуйте!* – *Помогай Бог!*; *Лебеди летели!* – *Мои пролетели!* Как представляется, в процессе общения обе эти реплики равно обязательны. Неиспользование реплики-ответа воспринимается коммуникантами как неучтивость. Даже в последнем примере, где реплика-ответ имеет минорный характер (*Лебеди летели!* – *Мои <лебеди> пролетели!*), она все-таки используется, ибо промолчать, когда тебе этикетно, так, как принято в коллективе, желают успеха, недопустимо. В традиционной русской деревне использованию этикетных выражений в описываемой ситуации учили специально: *А как женщина на реке белье-то полощет да ты мимо идешь, скажи «Набеленько!» И она тебе «Спасибо!» скажет* (Кир.).

Использование подобных благопожеланий, очевидно, имеет давнее происхождение. В нем отражаются старинные верования и представления. Об этом свидетельствует и фиксация нескольких ритуальных фраз, обращенных в анализируемой ситуации к реке, воде: *Спасибо, река, обмыла бока!* (В-У.); *Чистая вода обмыла пока!* (В-У.), то есть реку, воду, согласно народным представлениям, было принято благодарить.

В ситуации стирки белья зарегистрировано и недоброе пожелание – *Жуки на буки!* (Сямж.). Так, по-видимому, желают, чтобы не чистота и белизна снизошли на *буки*, а *жуки* – то есть, возможно, то, что заводится в белье, – вши, клопы, а в обобщенном смысле – *жуки*. Как представляется, степень формульности этого выражения выше, чем в прокомментированных ранее благопожеланиях. Формульность находит свое выражение в «гладкостловии», в ритмизованности фразы. Оба слова двусложные, оба имеют ударение на первом слоге, различаются только первыми звуками [ж] и [б], причем в фоносемантическом отношении более выразителен звук [ж]. Им имитируется жужжание жука. Особую роль играет и цвет: *бельё белое – жуки чёрные*. Негативное пожелание, таким образом, строится на контрасте. Заметим, что благопожелательная основа всех прочих формул в рассматриваемой ситуации иная: в них актуализирован либо прагматический мотив (*Мыло в корыто! Бело мыть!*), либо ассоциативный эффект (*Лебедя на бук! Гуси-лебеди летят! Чайки летят!*).

Итак, рассмотренные этикетные формулы образуют определенную систему со своей семантикой, структурными особенностями и выполняемыми культурно-прагматическими функциями. Выявленный круг благопожелательных формул и приемы его анализа могут служить своеобразной матрицей при проведении исследований народного речевого этикета на других территориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакай, А. Г. Будь/те здоров/ы во времени и пространстве / А. Г. Балакай // К 60-летию профессора А. В. Жукова : юбил. сб. науч. тр. – В. Новгород : Изд-во НГУ, 2007. – С. 20–28.
2. Вьюгина, Е. А. Единицы речевого этикета как компонентами «бог» и «мир» в говорах юга Нижегородской области / Е. А. Вьюгина // Русское народное слово в языке и речи : сб. материалов Всероссий. науч.-практ. конф. – Арзамас ; Саров : Саров. гор. тип., 2009. – С. 73–77.
3. Гольдин, В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Гольдин Валентин Евсевич. – Саратов, 1997. – 52 с.
4. Гришанова, В. Н. Речевой этикет говора как элемент народной культуры / В. Н. Гришанова

// Славянский альманах-1997. – М. : Индрик, 1998. – С. 307–311.

5. Желнова, И. Л. Проблемы и задачи лексикографирования этикетных обращений / И. Л. Желнова // Слово и текст в культурном сознании эпохи : сб. науч. тр. Ч. 4 / отв. ред. Г. В. Судаков. – Вологда : ВГПУ, 2010. – С. 24–28.
6. Зорина, Л. Ю. Вологодские народные благопожелания в ситуации кладки печи / Л. Ю. Зорина // Слово и текст в культурном сознании эпохи : сб. науч. тр. Ч. 2 / отв. ред. Г. В. Судаков. – Вологда : ВГПУ, 2008. – С. 55–61.
7. Зорина, Л. Ю. Вологодский народноречевой этикет как динамическая система / Л. Ю. Зорина // Актуальные проблемы диалектной и исторической лексикологии. – Вологда : ВГПУ, 1995. – С. 67.
8. Козельская, И. В. Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Козельская Инга Викторовна. – Орел, 2004. – 25 с.
9. Кургузова, Н. В. Мифопоэтический аспект пространственно-временной системы русской свадебной лирики: песни и причитания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Кургузова Наталия Владимировна. – Петрозаводск, 2007. – 18 с.
10. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М. : Яз. слав. культуры, 2006. – 512 с.
11. Свиридова, Г. Ф. Об особенностях речевого этикета носителей современных русских народных говоров (на материале диалекта сел Хохольского р-на Воронежской области) / Г. Ф. Свиридова // Изучение и преподавание русского языка как национально-культурной ценности : материалы науч. конф. – Воронеж : ВГУ, 1997. – С. 35–37.
12. Черепанова, О. А. Общепринятые и региональные формулы речевого этикета: комплиментарные обращения / О. А. Черепанова // Вопросы региональной лексикологии и ономастики : сб. науч. тр. – Вологда : Русь, 1995. – С. 169–176.
13. Шемарова, В. Н. Концептосфера «Встреча/приветствие – прощание/расставание» в русском языке: системно-структурный и функционально-когнитивный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шемарова Ванда Антоновна. – Уфа, 2004. – 25 с.

СЛОВАРИ

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вып. 1–12. – Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СРРЭ – Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Блз. – Белозерский
В-У. – Великоустюжский
Верх. – Верховажский
Гряз. – Грязовецкий
Киp. – Кирилловский
Кичм. – Кичменгско-Городецкий
Сямж. – Сямженский
Тарн. – Тарногский

ON PROBLEMS OF FOLK-SPEECH ETIQUETTE IN VOLOGDA DIALECTS

L. Yu. Zorina

The author substantiates the necessity to single out the folk-speech etiquette in Vologda dialects as including basic etiquette formulas, communicative maxima of politeness typical of the northern local residents, and regional specifics of their implementation; and considers these factors being important for understanding local folk culture.

Key words: *communicative dialectology, ways of social interaction formalization, folk-speech etiquette, symbolization of words, folk consciousness.*